

Alexander Brown

АЛЕКСАНДР БЛОК

Отпечатано
в типографии
Зинабург и Ко.
в марте 1923
в Берлине

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АЛЕКСАНДРА БЛОКА

ТОМ ВТОРОЙ

Э П О Х А

БЕРЛИН / 1923

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

1904 — 1916

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

НОЧНАЯ ФИАЛКА

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ГОРОД

СНЕЖНАЯ МАСКА

ФАИНА

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.

Макбет

ВСТУПЛЕНИЕ

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.

Ты пройдешь в золотой порфире —
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излученный путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

1905 Страстная Суббота

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко—глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солнце, как медный шлем воинца,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам...

И шишак — золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...

И кресты — и далекие окна
И вершины зубчатого леса —
Все дышит ленивым
И белым размером
Весны.

5 апреля 1904

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ

А. М. Ремизову

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дожидаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот

Я, как ты, дитя дубрав
Лик мой также стерт.
Типе вод и ниже трав --
Захудалый чорт.

На дурачком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами — вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

Январь 1905

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу — и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Вот — предчувствие белой зимы:
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы, —
Та монахиня, верно, умрет.

Безначально свободная ширь,
Слишком радостной вестью дыша,
Подошла — и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...

Уплывали два белых цветка —
Эта легкая матовость рук...
Мне прозрачная дева близка
В золотистую осень разлук...

Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигает Царницу.

Январь 1905

ТВАРИ ВЕСЕННИЕ

Из альбома „Kindisch“ Т. Н. Гуннуус

Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен.
Это выпли молчалышницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.

Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседелых туманов развалины.

Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы в листве и в тени
Издали начинаем вникать в отдаленные трубы.

Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты бескровные губы.

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
Поднимается с пруда...
Мы еще помолчим.

Утро сонной тропой пустило стрелу,
Но одна — на руке опрокинутой в высь
Ладонью в смолистую мглу —
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понятный!
Кусочек света,
Клочочек рассвета...

Будет вам день беззакатный!
С ночкой вы не радели —
Вот и все ушло...
Ночку вы не жалели —
И становится слишком светло.

Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые. .

Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чортик запросится
Ко Святым Местам.

19 февраля 1905

БОЛОТНЫЙ ПОПИК

На весенней проталинке
За вечерней молитвою — маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть
Увила вокруг него свои тонкие руки...
Предзакатные звуки,
Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:
— Вот, ступай в родимую гать.
— Душа моя рада
— Всякому гаду
— И всякому зверю
— И о всякой вере.

И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звериную лапу,
И за римского папу. —

Не бойся пучины тряской —
Спасет тебя черная ряска.

17 апреля 1905 Пасха

На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.

Там — в березовомъ дальнем кругу —
Старикашка сгибал из березы дугу
И заметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
— Ты, красавица, верно — ко мне!
— Стосковалась в своей тишине!

За корявые пальцы взялась,
С бороною зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась.

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот злак, что сгорел, — не умрет.
Этот куст — без истления — тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, —
Ты пред Вечностью полон измен.

Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

3 июня 1905

Белый конь чуть ступает усталой ногой,
Где бескрайная зыбь залегла.
Мне болотная схима — желанный покой,
Будь ночлегом, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется в ноги коня змеевик.
На горе безмятежно поют голоса,
Все о том, как закат Твой велик.

Закатилась Ты с мертвым Твоим женихом,
С палачом раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой луч мне знаком,
Тишина Твоя дремлет вдали.

Я с Тобой — навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдам.
В этих впадинах тихая дремлет вода,
Запирая ворота безумным ключам.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты бледно-лазоревый свод!
Знаю, ведаю ласку Подруги моей —
Старину озаренных болот.

3 июня 1905
Новоселки

Болото — глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И белый пух смеженных ресниц —
Пробегает зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте.
И тогда говорят в деревнях
Неизвестно откуда пришедшие
Колдуны и косматые ведьмы:
— Это шутит над вами болото.
— Это манит вас темная сила.
И, когда они так говорят,
Старики осеняются знаменьем крестным,
Пожилые — смеются,
А у девушек — ясно видны
За плечами белые крылья.

3 июня 1905

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА

Григорию Е.

Побывала старушка у Троицы
И все дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги и лаптях.

— Эта странница, верно, не рада нам —
— Приложилась к моцам — и святая;
— Надышалась божественным ладаном,
— Чтобы видеть Святые Места.

— Чтоб идти ей тропинками злачными,
— На зеленую травку присесть...
— Чтоб высоко над елями мрачными
— Пронеслась золотистая весть...

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытцами пыль:

— Ты прости нас, старушка ты Божия,
— Не бери нас в Святые Места!
— Мы и здесь лобызает подножия
— Своего, полевого Христа.

— Занимаются села пожарами,
— Грозовая над нами весна,
— Но за майскими тонкими чарами
— Затлеваает и нам Купина...

Июль 1905

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листья, шурша.

И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

ЭХО

К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.
И месяц холодный стоит, не сгорая,
Зеленым серпом в синеве.

Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову — и трикраты
Мне издали звонко
Ответствует нимфа, ответствует Эхо,
Как будто, в поля золотого заката
Гонимая богом ребенком
И полная смеха...

Вот, богом настигнута, падает Эхо,
И страстно круженье, и сладко паденье,
И смех ее в длинном
Звучит повтореньи
Под небом невинным...
И страсти и смерти,
И смерти, и страсти —
Венчальные ветви
Осенних убранств и запястий...

Там — в синем раздолби — мой голос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир на меня!
Но, сверкнув на крыле пролетающей ночи,
Томной свирелью вечернего дня
Ускользнувшая нимфа хохочет.

4 октября 19 5

ПЛЯСКИ ОСЕННИЕ

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная воля твоя,
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, подлившая руки,
Устремившая руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струи,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могут луга и овраги
Под стопую твоей не сгорать.

С нами, к нам — легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?

Тишина умирающих знаков —
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный знаков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.

И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.

1 октября 1905

НОЧНАЯ ФИАЛКА

Сон

НОЧНАЯ ФИАЛКА

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.

Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото, —
Там краснела полоска зари.

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но, если и шел он,
То молчал всю дорогу.

Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извозничьи дрожки,
Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных женщин.
Также не были чужды ему
Девичьи, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы..
Но все посерело, померкло,
И зренье у спутника — также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного
(Чем я был несказанно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?)

Прохожих стало все меньше.
Только тощие псы попадались навстречу,
Только пьяные бабы ругались вдали.
Над равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотом.

И, пока прояснялось сознание,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнах различных религий,
И заботы о плате за строчку, —

Становилось ясней и ясней,
Что когда-то я был здесь и видел
Все, что вижу во сне, — наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинуты мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрему, и в лень,
Где внизу и вверху,
И над кочкою чахлой,
И над красной полоской зари —
Затаил ожидание воздух
И, как-будто, на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И не даром все было спокойно
И торжественной встречей полно:
Ведь никто не слышал никогда
От родителей смертных,
От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журфиксов,
В час забвенья о зле и добре,

В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состоянии желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза, —
Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой, —
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.
Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.

В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной — перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой пробор,
Некрасивая девушка

С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в седирах голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрема
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу

И устами касался их чаши
Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блещут золотые венцы
Скандинавских владык.

Было тяжело опять приступить
К исполнению сурового долга,
К поклонению забытым венцам,
Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.

Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы
Потускневшие в воздухе ржавом
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дождаясь привычных поклонов,
Чуть кивая прищельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям;
И по старым глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом

Короли мне велели остаться.
И тогда; обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так что члены одеревенели.
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.

И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо взглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть — у недопитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,

За уснувшей дружиной,
За беспцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сажу я в избе.
Рядом — кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я, — в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым героем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи
Рукоятью меча;
Кто, к щиту прислонясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, — и у шлема

На истлевшем полу,
Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше — чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

Дальше, дальше—беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королева,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опонила нас зельем болотным,
Окружила нас сказкой ночной,
А сама все цветет и цветет,
И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядет, и прядет, и прядет.

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгновенья,
А, быть может, — столетья.

Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,
Будто чайки кричат,
Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далеко огни.

Вот сосед мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.
Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сижу на болоте.
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я — Ночною Фиалкой.

За болотом остался мой город,
Тот же вечер и та же заря.

И, наверное, друг мой, шатаюсь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.

Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.

И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. Семенову

Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла издалека.
Здесь исполни долг царицы
В бледном свете ночника.

Я готов. Мой саван плотен.
Смертный венчик вокруг чела.
На снегу моих полотен
Ты лампадный свет зажгла.

Опусти прозрачный полог
Отходящего царя.
На вершинах колких елок
Занимается заря.

Путь неровен. Ветви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски-каменной улыбки
Не нарушу на земли.

Январь 1904

Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса,
Мой факел был и глаз совиный,
И утра Божия роса.

За мной! За мной! Ты молишь взглядом,
Ты веришь брошенным словам,
Как будто дважды чашу с ядом
Я поднесу к своим губам!

О, нет! Я сжег свои приметы,
Испепелил свои следы!
Все, что забыто, недопето,
Не возвратится до Звезды —

До Той Звезды, которой близость
Познав, — сторицей отплачу
За все величие и низость,
Которых тяжкий груз влачу!

15 марта 1904

Ты оденешь меня в серебро,
И, когда я умру,
Выйдет месяц — небесный Пьеро,
Встанет красный паяц на юру.

Мертвый месяц беспомощно нем
Никому ничего не открыл.
Только спросит подругу — зачем
Я когда-то ее полюбил?

В этот яростный сон наяву
    Опрокинусь я мертвым лицом.
И паяц испугает сову,
    Загремев под горой бубенцом...

Знаю — сморщенный лик его стар
    И бесстыден в земной наготе.
Но зловещий восходит угар —
    К небесам, к высоте, к чистоте.

14 мая 1904

Фиолетовый запад гнетет,
Как пожатье десницы свинцовой.
Мы летим неизменно вперед —
Исполнители воли суровой.

Нас немного. Все в дымных плащах.
Брыжжут искры и блещут кольчуги.
Поднимаем на севере прах,
Оставляем лазурность на юге.

Ставим троны иным временам —
Кто воссядет на темные троны?
Каждый душу разбил пополам
И поставил двойные законы.

Никому не известен конец.
И смятенье сменяет веселье.
Нам открылось в гаданьи: мертвец
Впереди рассекает ущелье.

14 мая 1904

ВЗМОРЬЕ

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с моря, где серый маяк
Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднебесья флаг.

Там зажегся последний фонарь,
Озаряя таинственный мол.
Там корабль возвышался, как царь,
И вчера в океан отошел.

Чуть серели его паруса,
Унося торжество в океан.
Я покорно смотрел в небеса,
Где Она расточала туман.

Я увидел Глядящую в твердь —
С неземным очертанием рук.
Издали мне привиделась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звук.

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен —
Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

26 мая 1904

Я живу в глубоком покое.
Рою днем могилы корням.
Но в туманный вечер — нас двое.
Я вдвоем с Другим по ночам.

Обычайный — у входа в сени,
Где мерцают мои образа.
Лоб закрыт тенями растений.
Чуть тускнеют в тени глаза.

Из угла серебрятся латы,
Ипуская жалобный скрип.
В дальних залах — говор крылатый
Тех, с кем жил я, и с кем погиб.

Одинок — в конце вереницы —
Я — последний мускул земли.
Не откроет уст Темнолицый,
Будто ждет, чтобы все прошли,

Раздавлив похоронные звуки
Равномерно-жутких часов,
Он поднимет тяжкие руки,
Что висят, как петли веков.

Заскрипят ли тяжкие латы?
Или гроб их, как страх мой, пуст?
Иль Он вдунет звук хриповатый
В этот рог из смердящих уст?

Или я, как месяц двурогий,
Только жалкий сон серебрю,
Что приснился в долгой дороге
Всем бессильным встретить зарю?

15 июня 1904

Поет, краснея, медь. Над горном
Стою — и карлик служит мне:
Согбенный карлик в платье чорпом,
Какой являлся мне во сне.

Сбылось немного — слишком много,
И в гроб переплавляю медь.
Я сам открыл себе дорогу,
Не в силах зпой преодолеть.

Последним шествием украшен,
Склонюсь под красный балдахин.
И прогремят останки башен
С моих довременных вершин.

И вольно — смуглая гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под сени катафалка
Свой воскрешающий запой.

Тогда — огромен бледным телом —
Я красной медью зазвучу.
И предо мною люди в белом
Поставят бледную свечу.

4 июля 1904

Зажигались окна узких комнат.
Возникали скудные лучи,
Там, где люди сиротливо берегут и помнят
Царствия Небесного ключи.

В этот час и Ты прошла к вечерне,
Свой задумчивый и строгий сон храпя.
На закате поднимался занавес вечерний,
Открывалось действие огня.

Так, как я, тонуть в небесном равнодушном взгляде
Не умел никто, Свободная, поверь!
Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди,
Луч проник в невидимую дверь.

И, вступив на звонкий ряд ступеней,
Я стоял преображенный на горе —
Там, где стая тускло озаренных привидений
Простирала руки к догорающей заре.

Осень 1904

Все бежит, мы пребываем,
Вервий ночи вьем кощы,
Заплетаем, расплетаем
Белых ландышей венцы.
Все кружится, круторогий
Месяц щурится вверху.
Мы, расчислив все дороги,
Утром верим петуху.
Вот — из кельи Вечной Пряхи
Нити кажут солнцу путь.
Утром сходятся монахи,
Прикрывая рясой грудь.
— Всю ли ночь молился в нишах?
Всю ли ночь текли труды?

— Нет, отец, на светлых крышах
Ждали Утренней Звезды.
Мы молчали, колдовали,
Ландыш пел, Она цвела,
Мы над прялкой тосковали
В ночь, когда Звезда пряла.

Сентябрь 1904

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
Ты — голубой пастушок.
Белые бродят овечки,
Круто загнут посошок.

Ласковы жолтые мели,
Где голубеет вода.
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада.

Грусть несказанных намеков
В долгом журчаньи волны.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны.

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь.
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчат камыш.

Но высоко — в изумрудах
Облаки-овцы бредут.
В тихих и темных запрудах
Их отраженья плывут.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людям предстанет в тумане
Золоторунная грусть.

18 октября 1904

Гроб невесты легкой тканью
Скрыт от глаз в соборной мгле.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняет на земле.

Кто у гроба в час закатный?
Мать и солнечная сень.
Третий с ними — благодатный
Несмежающийся день.

Над ее бессмертной дремой
Нить Свершений потекла...
Это — Третий — Незнакомый
Кротко смотрит в купола.

5 ноября 1904

Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранними летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!

Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!

5 ноября 1904

НОЧЬ

Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте — голова.
Знаки поздних поколений --
Счастье дольного волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осиянная — плывет.
Красный плем остроконечный
Бороздит небесный свод.

В длинном черном одеянии,
В сонме черных колесниц,
В бледно-фосфорном сиянии —
Ночь плывет путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли пол-чела.
Тенью крылий — половину
Всей подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоявшая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

19 ноября 1904

Вот — в изнурительной работе
Вы духу выковали меч.
Вы — птицы. Будьте на отлете.
Готовьте дух для новых встреч.

Весенних талей вздохи томны,
Звездясь, синее тонкий лед.
О, разгадай под маской скромной,
Какая женщина зовет!

Вам перепутья даль откроют,
Призывно засинеет мгла.
Вас девы падшие укроют
В приюты света и тепла...

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, в даль стремясь,
Чтоб голос меди колокольной
Не опрокинулся на вас!

Ноябрь 1904

ЕЕ ПРИБЫТИЕ

Рабочие на рейде

Окаймлен летучей пеной,
Днем и ночью дышит мол.
Очарованный сиреной,
Труд наш медленный тяжел.
Океан гудит под нами,
В порте блещут огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищут маяки.
И шатают мраки в море
Эти тонкие лучи,
Как испуганные зори,
Проскользнувшие в ночи.
Широки почей объяття,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья —
Там, на рейде, в час мечты!
Далеко за полночь — в дали
Неизведанной земли —
Мы печально провожали
Голубые корабли.

Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей,
Были темные названья
Нам неведомых зверей.
«Птица Пен» ходила к югу,
Возвратясь, давала знак;
Через бурю, через вьюгу
Различали красный флаг...
Что за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
В наши темные кули?
Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?
Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:
Тяжкой ношей каждый горд.
И туманным песням вторя,
Грохотал угрюмый порт.

Так было

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Несвершенных в мире
Бесконечных благ.

Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.

Ночи укрывали
От очей бессонных
Все, что совершалось
За чертой морей.

Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.

Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И — лицом к луне —

Бледная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущем
Безнадежном дне.

Песня матросов

Подарило нам море
Обручальное кольцо!
Целовало нас море
В загорелое лицо!
Приневастилась
Морская глубина!
Неневастилась
Морская быстрина!

С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!
С ней погуляем
На вольном просторе!
Синее море!
Красные зори!
Ветер ты, пьяный,
Трепли волоса!
Ветер соленый,
Неси голоса!
Ветер, ты, вольный,
Раздуй паруса!

Голос в тучах

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.

Больным и усталым — нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.

Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза.
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:

— Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!

— Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!

— Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где то —
За ночью, за бурей — взыванье сирен!

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: неожиданная. Радость близка!..

А там — горизонт разбудили зарницы,
Как будто, пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.

Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.

Корабли идут

О, светоносные стебли морей, маяки!
Ваш прожектор — цветок!
Ваша почва — создание волненья,
Песчаные косы!

Ваши стебли, о, цвет океана, крепки,
И силен электрический ток!
И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!

Утро скажет: взгляни: утомленный работой
Ты найдешь в бурунах
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,

С остывающим смехом на синих углах
Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных лучей,
Преступивший последний порог...

Невидим для очей,
Через полог ночей
На челе начертал примиряющий Рок:
Ничей.

Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты — не свет от зари, — ты мечта от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана...

И надежней тебя нам товарища нет:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведем корабли,
Мы заморские тайны несем,
Мы под игом почного тумана...

Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..
Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество — наша звезда!

Через бурю, сквозь вьюгу — вперед!
Электрический свет не умрет!

Корабли пришли

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.

Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготове якоря.

Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.
С голубым прощальным морем
Разлучаться было жаль.

А уж там — за той косою —
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...

То—земля, о, дети страсти,
Дети бурь, — она за вас! —
Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

Рассвет

Тихо рассыпалась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.
Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте удела.

Сумерки близятся. В утренней дреме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там — в океане — в земном водоеме —
Бродит и плещет пугливая весть...

Белый, как белая птица, далеко
Мерит и выси и глуби — и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с востока,
Сонный в морях пробуждается звук.

Смерть, или жизнь тяготеет над морем —
Весть о победе — в полете стрелы.
Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовит хвалы.

Кто не проснулся при первом сиянии —
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
Чует сквозь сон, что утратил познание
Ранних и светлых и мудрых начал...

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли;
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.

Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Плыли и пели, и море пьянело...

. . . . .

16 декабря 1904 .

МОЕЙ МАТЕРИ

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились — и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может, кружении —
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомненьи
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцельных.
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе — о краях запредельных
Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому радо, —
Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет.

4 декабря 1904

Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Над одиноким веют весны
И торжествуют небеса.

Я не забыл на пире хмельном
Мою заветную свирель.
Пошлю мечту о запредельном
В Его Святую колыбель...

Над ней синеет вечный полог,
И слишком тонки кружева.
Мечты пронзительный осколок
Свободно примет синева.

Не о спасеньи, не о Слове . . .
И мне ли — падшему в пыли?
Но дым всходящих славословий
Вернется в сад моей земли.

14 декабря 1904
У полотна Фин. ж. д.

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: — Будь прославлен!
Кто-то шепчет: — Не забудь!

Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать . . .

Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча . . .

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста . . .

Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста . . .

Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом — земля разнежит
Перепуганную твердь.

Январь 1905

Вот на тучах пожелтелых
Отблеск матовой свечи.
Пробежали в космах белых
Черной ночи трубачи.

Пронеслась, бесшумно рея,
Птицы траурной фата.
В глуби меркнувшей аллеи
Зароилась чернота.

Разметались в тучах пятна,
Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлевает без огня.

Кто там встанет с мертвым глазом
И серебряным мечом?
Невидимкам черномазым
Кто там будет трубачом?

28 мая 1905

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымились прозрачные сны облаков.
Темный рыцарь в тяжелой кольчуге шептал о любви на
заре,
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов.

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.
И влюбленность звала — не дала отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты, оторваться от светлой
мечты.

— Подними эту розу, шепнула — и ветер донес
Тихину улетающих лат, бездыханный ответ.
— В синем утреннем небе найдешь Купину
расцветающих роз,
Он шепнул, и сверкнул, и взлетел, и она полетела во
след.

И за облаком плыло и пело мерцание тьмы,
И влюбленность в погоне забыла, забыла свой щит.
И она, окрылясь, полетела из отчей тюрьмы —
На воздушном пути королевна полет свой стремится.

Уж в стремнинах туман, и рога созывают стада,
И заветная мгла протянула плащи и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражает вода,
И над лесом погасли лучи.

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь — мечтанье раба,
Там — воздушной Влюбленности хмель.

И в воздушный покров улетела на зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

Июль 1905

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали сотни и сотни лет,
А в старом доме юности нет.

И в доме, уставшем юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда, никогда...

А вдоль комодов, вдоль старых кресел
Мушиный танец все также весел,

И красные нити лежат на полу,
И мышь щекочет обои в углу.

В зеркальной глубине — еще покой
С такой же старухой, как лунь седой,

И те же нити, и те же мыши,
И тот же образ смотрит из ниши —
В окладе темном — темней пруда,
Со взором скромным — всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный...

И глубже, глубже покоев ряд,
И в окна смотрит все тот же сад,

Зеленый, как мир; высокий, как почва;
Нежный, как отошедшая дочь.

— Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
— Дай мне спокойно умереть.

3 июля 1905

Г. Чулкову

Не строй жилищ у речных излучин,
Где шумной жизни заметен рост.
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торжественно прост.

Твоя участь тиха, как рассказ вечерний,
И душой одинокой ему покоришься.
Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне,
Где душа твоя просит, там молись.

Кто придет к тебе, будь он, как Ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел во сне,
И молчи без конца, чтоб никто не заметил,
Кто сидел на скамье, промелькнул в окне.

И никто не узнает, о чем молчанье,
И о чем спокойных дум простота,
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.

Июль 1905

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожи,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглее июльского дня,
Бормочет, монетой звеня,
Слова слаще звуков Моцарта.

Кругом — возрастающий крик,
Свистки и нечистые речи,
И ярмарки гулу — далече
В полях отвечает зеленый двойник.

В палатке все шепчет и шепчет,
И скоро сливаются звуки,
И быстрые смуглые руки
Впиваются крепче и крепче...

Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презрительным жестом
Встряхнула одеждой над проклятым местом,
Гадает... и шепчут уста.

И вновь завывает труба,
И в памяти пыльной взываются речи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: «Судьба»!

Июль 1905

БАЛАГАНЧИК

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.

И звучит эта адская музыка,
Завывает ушлый смычок.
Страшный чорт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

Мальчик

Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

Девочка

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это — адская свита...
Королева — та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шпиль ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: — Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпичей!
На голове моей — картонный шлем!
А в руке — деревянный меч!

Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

Июль 1905

ПОЭТ

Сидят у окошка с палой.
Над берегом вьются галки.

— Дождик! Дождик! Скорей закапай!
У меня есть зонтик на палке!

— Там — весна. А ты — зимняя пленница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, дочка, за море.
— А за морем есть мама?

— Нет.

— А где мама?

— Умерла.

— Что это значит?

— Это значит: вон идет глупый поэт:
Он вечно о чем-то плачет.

— О чем?

— О розовом капоре.

— Так у него нет мамы?

— Есть. Только ему нипочем:
Ему хочется за море,
Где живет Прекрасная Дама.

А эта Дама — добрая?

— Да.

— Так зачем же она не приходит?

— Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

Подошла дочка,
Кончился разговор папы с дочкой.

Июль 1905

У М О Р Я

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
— Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

— Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри: он несет по волнам
Нам светлым — темную ночь...

— Нет, папа, взгляни разок,
Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

— Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдем-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
Чтобы сон обратился в явь.

Июль 1905

МОЕЙ МАТЕРИ

Тихо. И будет все тише.
Флаг бесполезный опущен.
Только флюгарка на крыше
Сладко поет о грядущем.

Ветром в полнебе раскинут,
Дымом и солнцем взволнован,
Бедный петух очарован,
В синюю глубь опрокинут.

В круге окна слухового
Лик мой, как лимбом, украшен.
Профиль лица воскового
Правилен, прост и нестрашен.

Смолы пахучие жарки,
Дали извечно туманны . . .
Сладки мне песни флюгарки:
Пой, петушок оловянный!

Июль 1905

Старость мертвая бродит вокруг,
В зеленях утонула дорожка.
Я пилю наверху полукруг —
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали — и капли смолы
Проступают в сосновые жилки.
Прорываются визги пилы,
И летят золотые опилки.

Вот последний свистящий раскол —
И дощечка летит в неизвестность...
В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрестность...

Все закатное небо — в дреме,
Удлиняются дольные тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...

Вот, мы с ним уплываем во тьму,
И корабль исчезает летучий...
Вот и кормщик — звездой падучей —
До свиданья!... летит за корму...

Июнь 1965

В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.

Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.

И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.

Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной.

И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо всял.

И было, как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.

Июль 1905

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косограм,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зарсёт издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пронав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий распеваящий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных, статных
Умирает, не любя...
Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905
Рогачевское шоссе

Не мани меня ты, воля,
    Не зови в поля!
Пировать нам вместе что ли,
    Матушка-земля?
Кудри ветром растрепала
    Ты издалека,
Но меня благословляла
    Белая рука . . .
Я крестом касался персти,
    Целовал твой прах,
Нам не жить с тобою вместе
    В радостных полях!
Лишь на миг в воздушном мире
    Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
    Празднует весну, —
И пойду путем-дорогой,
    Тягостным путем —
Жить с моей душой убогой
    Нищим бедняком.

Июль 1905

Оставь меня в моей дали.
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.

Порою близок парус встречный,
И зажигается мечта;
И вот, над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.

Но даль пустынна и спокойна —
И я все тот же — у руля,
И я пою, все так же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парус воли бурной
Чужой, а не твоей судьбе:
Еще не раз в тиши лазурной
Я буду плакать о тебе.

Август 1905

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

В лапах косматых и страшных
Колдун укачал весну.
Вспомнили дети о снах вчерашних,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула в глаза.
На закате полоской алой
Покатилась к земле слеза.

— Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидим во сне.
Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты,
А корабль уплывал к весне.

Он плыл и качался, плыл и качался,
А бедный матросик смотрел на юг:
Он друга оставил и в слезах надрывался.
Верно, есть у тебя печальный друг?

— Милая девочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во сне.
Ты к вчерашнему сну никогда не вернешься:
Одно и то же снится лишь мне . . .

Август 1905

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые плейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно брелча.

С легким треском рассыпался веер, —
Ах, что значит — не пить и не есть!
Но в глазах, обращенных на север,
Мне холодному — жгучая весть...

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговой,
Мой от века загаданный друг.

Август 1905

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон капнул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любви скромной
Закручинишься ль во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с Богом! Вечер близок,
Быстрый лет касаток низок,
Надвигается гроза,
Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905

В голубой далекой спаленке
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Все, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла,
И, как время, безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальне —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

4 октября 1905

Евгению Иванову

Вот Он — Христос — в цепях и розах —
За решеткой моей тюрьмы.
Вот Агнец Кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но Лик и синее небо — одно.

Единый, Светлый, немного грустный —
За Ним восходит хлебный знак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И все так близко и так далеко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего Ока,
Пока не станешь сам, как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый знак.

10 октября 1905

Так. Неизменно все, как было
Я в старом ласковом бреду.
Ты для меня остановила
Времен живую череду.

И я пришел, плющем венчаный,
Как в юности, — к истокам рек.
И над водой, за мглой туманной, —
Мне улыбнулся тот же брег.

И те же явственные звуки
Меня зовут из камыша.
И те же матовые руки
Провидит вещая душа.

Как будто, время позабыло
И ничего не унесло,
И неизменным сохранило
Певучей юности русло.

И так же вечен я и мирен,
Как был давно, в годину сна.
И тяжким золотом кумирен
Моя душа убелена.

10 октября 1905

Прискакала дикой степью
На вспененном скакуне.
— Долго ль будешь лязгать цепью?
— Выходи плясать ко мне!

Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.

— А, не хочешь! Ну, так с Богом!
Пыль клубами завилась...
По тропам и по дорогам
В чистом поле понеслась...

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свист костра!

И в степях, среди тумана,
Ты страшна своей красой —
Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой.

31 октября 1905

БРЕД

Я знаю, ты близкая мне!..
Больному так нужен покой..
Прильнувши к седой старине,
Торжественно брежу во сне...

С тобою, мой свет, говорю...
Пьяни, весели меня, боль! —
Ты мне обещаешь зарю?
Нет, с этой свечой догорю!

Так слушай, как память остра, —
Недаром я в смертном бреду...
Вчера еще были, вчера
Заветные лес и гора...

Я Белую Деву искал —
Ты слышишь? Ты веришь? Ты спишь?
Я Древнюю Деву искал,
И рог мой раскатом звучал.

Вот иней мне кудри покрыл,
Дыханье спирала зима...
И ветер мне очи слепил,
И рог мой неверно трубил...

Но слушай, как слушал тогда...
Я голос пронзительных вьюг!
Что было со мной в те года, —
Тому не бывать никогда!..

Я твердой стопою всхожу —
О, слушай предсмертный завет!..
В последний тебе расскажу:
Я Белую Деву бужу!

Вот спит Она в облаке мглы
На темной вершине скалы,
И звонко зывают орлы,
Свои расточая хвалы...

Как странен мой траурный бред!
То — бред обнищалой души...
Ты, свет мой, — единственный свет.
Другой — в этом трауре нет.

Уютны мне черные сны.
В них память свежееет моя:
В виденьях седой старины,
Бывалой, знакомой страны...

Мы были, — но мы отошли,
И помню я звук похорон:
Как гроб мой тяжелый несли,
Как сыпались комья земли.

4 ноября 1905

СКАЗКА О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крыльечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Все не может найти посошок...

Вот — ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе — словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы — незнакомый
Робко съезжился маленький труп...

Долго, бабушка, верно искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!

Зимний ветер гуляет и свищет,
Все играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто все еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы размеченной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червошный
Золотой, удалой гребешок.

11 января 1906

Милый брат! Завочерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело —
Соннокая прошла.

Проплыла она — и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами — семафора
Зеленеет огонек.

Небо — в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы — в пространстве новом,
Словно — в новых временах.

Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали — локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.

Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядую камыша.

Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре
И тихонько перескажем
Все, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.
Скажет каждому: — Будь весел.
— За окном лежат снега.

13 января 1906

Ты придешь и обнимешь.
И в спокойной мгле
Мне лицо опрокинешь
Встречу новой земле.

В новом небе забудем,
Что прошло, — навсегда.
Тихо молвят люди:
— Вот еще звезда.

И, мерцая, задремлем
На туманный век,
Посылая землям
Среброзвездный снег.

На груди из рая —
Твой небесный цвет.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свет.

24 января 1906

Мы подошли — и воды синие,
Как две расписанных степы.
И вот — вдали белеет скиния,
И дали мутные видны.

Но уж над горными провалами
На дымно блестящий утес
Ты не взбежишь, звеня кимвалами,
В венке из диких красных роз.

Так — и чудесным очарованы —
Не избежим своей судьбы,
И, в цепи новые закованы,
Бредем, печальные рабы.

25 января 1906

ВЕРБОЧКИ

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1—10 февраля 1906

ИВАНОВА НОЧЬ

Мы выйдем в сад с тобою, скромной,
И будем странствовать одни.
Ты будешь за травую темной
Искать купальские огни.

Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник серый
Под встрепенувшейся рукой.

Ночь полыхнет зеленым светом, —
Ведь с нею вместе вспыхнешь ты,
Упоена в волшебстве этом
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любясь втайне,
Ночных желаний не буди.
Твоих девичьих очертаний —
Не бойся — не спугну, дитя!

Но, если ночь, встряхнув ветвями,
Захочет в небе изнемочь,
Я загляну в тебя глазами
Туманными, как эта ночь.

И будет миг, когда ты спинешь.
Еще в шпиге небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды — мои глаза.

Миг! В этом небе глаз упорных
Ты вся отражена — смотри!
И под навес ветвей узорных
Проникло таинство зари.

12 февраля 1906

СОЛЬВЕЙГ

Сергею Городецкому

Сольвейг прибегает на лыжах.
Ибсен. Пер Гюнт

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту — весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть не даром я гордым слыву!

Жил в лесу, как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой — он звончей песен старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906

Г. Гюнтеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою
Зарею алой сочитал.

Но в мирной безраздумной сини
Очарованье доцвело,
И вот — осталась нежность линий
И в нимбе пепельном чело.

Склонясь на цвет полуувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.

И, может быть, в бреду ползучем,
Межу не в силах обойти,
Ты увенчаешься колючим
Венцом запретного пути.

Так, — не забудь в венце из терний,
Кому молился в первый раз,
Когда обманет свет вечерний
Расширенных и светлых глаз.

19 марта 1906

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.

Тютчев

Прошли года, но ты — все та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я — склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те баснословные года...

Их светлый пепел — в длинной урне.
Наш светлый дух — в лазурной мгле.
И все чудесней, все лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

30 мая 1906

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Люблю Тебя, Ангел Хранитель, во мгле,
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклятья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отомстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколение рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобой смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покнись! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — перазрывио — навски вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом — метанье огня,
И в каждом — печаль облаков.

И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...

Да буду я — царь над собой,
Со мною — да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!

Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.
Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого люблю.

Сентябрь 1906

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, сииний, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в круженье вечном,
Вся — в шелках тугих —
Ты — путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

Пали душевные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла . . .
Ты — рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

РУСЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почиешь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями.
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут почные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши — углое жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвие.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Трону печальную, почную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище почуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого Бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот, она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

24 сентября 1906

СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только-б он пришел прославленный,
Только-б радость перенести!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле.
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!...

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горние хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только-б радость перенести!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

4 октября 1906

Нет имени тебе, мой дальний.

Вдали лежала мать, больна.
Над ней склонялась все печальной
Ее сиделка — тишина.

Но счастье было безначальной,
Чем тишина. Была весна.

Ты подходил к стеклянной двери
И там стоял, в саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
Голубооую меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрему, шелесты и сны...
И на балконе тень дрожала
Ее сиделки — тишины...

Мгновенье — в зеркале старинном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьем длинным
По ступеням — встречать тебя.

И жали руку эти руки...
И трепетала в них она...
Но издали летели звуки:
Там... задышалась тишина.

И миг еще — в оконной раме
Я видела — уходишь ты...
И в окна к бедной, бедной маме
С балкона кланялись цветы...

К ней прилегла в опочивальне
Ее сиделка — тишина...
Я здесь, в моей девичьей спальне,
И рук не разомкнуть... одна...

Нет имени тебе, весна.
Нет имени тебе, мой дальний.

Октябрь 1906

УГАР

Заплетаем, расплетаем
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будем счастьем, будем раем,
Только знайте: вы — рабы.

Мы ребенку кудри чешем,
Песни длинные поем,
Понграем и потешим —
Будет маленьким царем,
Царь повырастет потом...

Вот ребенок засыпает
На груди твоей, сестра...
Слышишь, он во сне вздыхает, —
Видит красный свет костра:
На костер итти пора!

Положи венок багряный
Из удушливых углей
В завитки его кудрей:
Пусть он грезит в час румяный,
Что на нем — венец царей...

Пойте стройную стихирю:
Царь отходит почивать!
Песня посетя по миру --
Будут Ангелы вздыхать,
Над костром, кружа, рыдать.

Тихо в сонной колыбели
Успокоился царек.
Девы-сестры улетели —
Сизый стелется дымок,
Рдеет красный уголек.

Октябрь 1906

ТИШИНА ЦВЕТЕТ

Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть пригнутые камыши.

Здесь в заводь праздную желанье
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.

Здесь легким образам и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.

И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы
В даль потянули журавли.

И каждый звук был нам намеком
И несказанным — каждый стих.
И вы любили на широком
Просторе легких рифм моих.

И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.

Октябрь 1906

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне.

Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.

Иди, иди, вернешься молод
И долгу верен своему.
Я сохраняю мой лед и холод,
Замкнушь в хрустальном терему.

И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный порох,
Во рву — прозрачная вода . . .

Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья — весну.

Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Октябрь 1906

Ты можешь по траве зеленой
Всю церковь обойти,
И сесть на паперти замшеной,
И кружево плести.

Ты можешь опустить ресницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
    Как цветик голубой,
И эти косы слишком длинны
    Для шляпки городской.

Но ты гуляешь с красным бантом
    И семячки лущишь,
Телеграфисту с желтым кантом
    Букетики даришь.

И потому — ты будешь рада
    Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
    Когда я позову.

Октябрь 1906

Ищу огней — огней попутных
В твой черный, ведовской предел.
Меж темных заводей и мутных
Огромный месяц покраснел.

Его двойник плывет над лесом
И скоро станет золотым.
Тогда — простор болотным бесам,
И водяным, и лесовым.

Вертлявый бес верхушкой ели
Проткнет небесный золотой.
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой...

И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В почной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе,
Все о тебе, расплетшей косы
Для друга тайного, в избе.

Дай мне пахучих, душистых зелений
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь.

Октябрь 1906

ПРОКЛЯТЫЙ КОЛОКОЛ

Весны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился — зловещий фонарь.
Вы, люди, рождались с желаньем скорей умереть
Страхом ночным обессилены.

А над болотом — проклятый звонарь
Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.

Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тот, что утром скликал прихожан,
По ночам расточал эти звуки.

Кто рассеет болотный туман,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качают проклятые руки
Этот колокол пленный?

В час угрюмого звона я был
Под стеной, средь болотной травы,
Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою медь!

Я в туманах бродил.
Люди спали. О, люди! Пока не пробудитесь вы, —
Месяц будет вам — красный, зловещий фонарь,
Страшный колокол будет вам петь!

7 ноября 1906

О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе Твоем.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осиянным алтарем.

О томных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.
О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ты дремлешь, Боже, на иконе,
В дыму камильниц голубых.
Я пред тобою, на амвоне,
Я — сумрак улиц городских.

Со мной весна в твой храм вступила,
Она со мной обручена.
Я — голубой, как дым кадила,
Она — туманная весна.

И мы под сводом ведем, ведем,
Мы стелемся над алтарем,
Мы над народом чары дедем
И Мэри светлую поем.

И девушки у темной двери,
На всех ступенях алтаря —
Как засветлевшая от Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный, тонкий волос
Скользит и веет вокруг лица,
И на амвоне женский голос
Поет о Мэри без конца.

О розах над ее иконой
Где вечный сумрак и хвала,
О деве дальней, благосклонной,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ноябрь 1906

В синем небе, в темной глубине
Над собором — тишина.
Мы одну и ту же любим,
Легковейшая весна.

Как согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не речами
Покорила нас она,

Удивленными очами
Мы с тобой покорены,
Над округлыми плечами
Косы в узел сплетены.

Эта девушка узнала
Чары легкие весны,
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны,

Опустила покрывало,
Руки нежные сплела,
Тонкий стан заколдовала,
В храм вечерний привела,

Обняла девичьи плечи,
Поднялась в колокола,
Погасила в храме свечи,
Осенила купола,

И за девушкой — далече
В синих улицах — весна,
Смолкли звоны, стихли речи,
Кротко молится она . . .

В синем небе, в темной глубин
Над собором — тишина.
Мы с тобой так нежно любим,
Тиховейная весна!

Ноябрь 1906

БАЛАГАН

Ну, старая кляча, пойдем
ломать своего Шекспира!

Кин

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, побряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Ноябрь 1906

Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающего дня.

Я на земле, грозою смятый
И опрокинутый лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу радуги между.

Взойду по ней, по семицветной
И незапятнанной стезе —
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей грозе.

Ноябрь 1906

В час глухой разлуки с морем,
С тихо ропщущим прибоем,
С отуманенною далью —

Мы одни, с великим горем,
Седины свои закроем
Белым саваном — печалью.

Протекут еще мгновенья,
Канут в темные века.

Будут новые виденья,
Будет старая тоска.

И в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда, —

Как горит твой млечный пояс!
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Ноябрь 1906

Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха — сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю — в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

В серебре росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Месяц залил светом высь.

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои —
Две холодные змеи.

Шевельни смолистый знак.
Ты открой твой мертвый зрак.
Ты подай мне тихий знак.

Декабрь 1906

УСТАЛОСТЬ

Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.

И краток путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: с м е р т ь.

И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть падеенье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

14 февраля 1907

Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выключат очн.
И буду ждать я с лицом воздетым,

Я буду мертвый — с лицом подъятым.
Придет, кто больше на свете любит:
В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным платом.

Придут другие, разрыхлят глыбы,
Зароют, — уйдут беспокойно прочь:
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот — помешала белая ночь!

18 марта 1907

Зачатый в ночь, я в ночь рожден
И вскрикнул я, прозрев:
Так тяжек матери был стон,
Так чорен ночи зев.
Когда же сумрак поредел,
Унылый день повлек
Клубок однообразных дел,
Безрадостный клубок.
Что быть должно — то быть должно.
Так пела с детских лет
Шарманка в низкое окно,
И вот — я стал поэт.
Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.
И все, как быть должно, пошло:
Любовь, стихи, тоска:
Все приняла в свое русло
Спокойная река.
Как ночь слепа, так я был слеп,
И думал жить слепой..
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: Бог с тобой.
В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: — Вот, река идет.
И я пошел вперед.
В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту
Та — незнакомая, пришла
И встала на мосту.

Она была — живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный взор,
Тот знает, кто она.
И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
И маску белую дала
И светлое кольцо.
— Довольно жить, оставь слова,
— Я, как метель, звонка,
— Иною жизнью жива,
Иным огнем ярка.
Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что мне поет? Что мне звенит?
Иная жизнь? Глухая смерть?

12 апреля 1907

С каждой весною пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.
С каждой весною ясней и певучей
Таинства белых ночей.
Месяц ладью опрокинул в последней
Бледной могиле, — и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.
Смехом волнуемый черным и громким,
Был у нас пламенный лик.
Свет набежал. Промелькнули потемки.
Вот он: бесстрастен и дик.

Видишь, и мне наступила на горло,
    Душит красавица ночь...
Краски последние смысла и стерла...
    Что ж? Если можешь, пророчь...

Ласки мои неумелы и грубы,
    Ты же — нежнее, чем май.
Что же? Целуй в помертвелые губы.
    Пояс печальный снимай.

7 мая 1907.

ДЕВУШКЕ

Ты перед ним, что стебель гибкий,
Он пред тобой, что лютый зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

А если он ворвется силой,
За дверью стань и стереги:
Успеешь — в горнице немилой
Сухие стены подожги.

А если близок час позорный,
Ты повернись лицом к углу,
Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда...

И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сгоряча,
Твои оттиснутые зубы
Глубоким шрамом вдоль плеча!

6 июня 1907

Когда я создавал героя,
Кремень дробя, пласты деля,
Какого вечного покоя
Была исполнена земля!
Но в зацветающей лазури
Уже боролись свет и тьма,
Уже металась в синей буре
Одежды яркая кайма...
Щит ослепительно сверкучий
Сиял в разрыве синих туч,
И светлый меч, пронзая тучи,
Разил, как неуклонный луч...
Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик — зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю!

3 октября 1907

Всюду ясность Божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.

Только верить хочешь все,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротись
В самый ясный свет.

3 октября 1907

Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком неведших стран.

Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.

И был костер в полночи.
И пламя языками
Лизало небеса.

Сияли ярко очи,
И черными змеями
Распуталась коса.

И змеи окрутили
Мой ум, и дух высокий
Распяли на кресте.

И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.

3 ноября 1907

Я миновал закат багряный,
Ряды строений миновал,
Вступил в обманы и туманы, —
Огнями мне сверкнул вокзал...

Я сдавлен давкой человеческой,
Едва не оттеснен назад...
И вот — ее глаза и плечи,
И черных перьев водопад...

Проходит в час определенный,
За нею — карлик, шлейф влача...
И я смотрю во след, влюбленный,
Как пленный раб — на палача...

Она проходит — и не взглянет,
Пренебрежением казня...
И только карлик не устанет
Глядеть с усмешкой на меня.

Январь 1908

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.

Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
Не ты-ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?
Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я подошел — ты отошла,
Я приближался — ты сидела,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье — нет ответа,
Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1 августа 1908

ГОРОД

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Ранним утром, когда люди ленились шевелиться,
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.

Утро копошилось. Безнадёжно догорели свечи,
Оплавивший огарок маячил в оплавивших глазах.
За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчесывал пробор в волосах.

Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть, бледна.
Еще вечером у фонаря ее лицо блеснуло,
В этой самой комнате была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всем серый постылый налет.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки,
Всех ужасней в комнате был красный комод.

И вдруг влетели звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскинулась под ветром, осыпая снег.
В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки,
И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,
Махали руками, черта незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница — от ложа пьяного желанья —
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь...

Высоко — над домами — в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полуночных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

3 февраля 1904

ПЕТР

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и троттуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, женских — струнных!

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

ПОЕДИНОК

Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.

Чутко веет над столицей
Угнетенного Петра.
Вечерница льнет к деннице,
Несказанней вечера.

И зарей — очам усталым
Предстонт, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...

Вдруг летит с отвагой ратной —
В бранном шлеме голова —
Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!

Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу коней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...

Светлый Муж ударил Деда!
Белый — черного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..

Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлен...
Бейся, колокол раздольный,
Разглашай весенний звон!

Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:

Не мелькнет ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдет ли от божицы
Лучезарная Сама?

22 февраля 1904

ОБМАН

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.
Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Темный вечер ближе. Солнце за трубой.
Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отраженье.
Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель старика...
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

. . . . .
Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.
Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро —
Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдаттики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки — трясется, бормочет голова:
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз! два!

Башмаки, крутясь, несутся по течению,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновение —
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...

Пронеслись, — и струйки шепчут невинно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

5 марта 1904

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Все бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик — преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли —
    Всем безумным приют.
В этот город торговли
    Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
    Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
    В дымно-сизый туман...

26 июля 1904

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развешивающийся локон —
Все закатом залито.

Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной.
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

28 июня 1904

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг — влюблен в луну — живет ее обманом.
Вот — третий на пути. О, милый друг мой, ты-ль,
В измятом картузе над взором оловянным?

И — трое мы бредем. Лежит пластами пыль.
Все пусто — здесь и там — под зноем неустанным.
Заборы, как гроба. В канавах преет гниль.
Все, все погребено в безлюдьи окаянном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
Мы робко шепчем в дверь: «Не умер — спит ваш
близкий»...

Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»

И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904

ГИМН

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам — словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно серая мгла,
Луч вонзился в прожженное сердце стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот — всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился ногтями к кирпич
В унижительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,
И свистит раскаленный пылающий бич.

Вот — на груди горячих камней
Распростерта не смевшая пасть...
Грудь раскрыта — и бродит меж темных бровей
Набежавшая страсть...

Вот — монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперед...
Но и тех, кто безумно обеты дает,
Кто бесстрастные гимны поет,
Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на бапнях — хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь —
Наши гимны, и песни, и сны — без числа!..

Золотая игла!

Исполненным лучом пораженная мгла!
Опаленным, сметенным, сожженным до тла —
Хвала!

27 августа 1904

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили, их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Слова незнакомых наречий.

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерег исступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновенна.

10 сентября 1904

В высь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.
Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и сменились,
Утонули в темной массе
Прибывающей толпы.
Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней кассе
Золоченые гербы.

Гулкий город, полный дрожи,
Выростал у входа в зал.
Звуки бешено ломались...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...

В темном зале свет заемный
Мог мерцать и отдохнуть.
В ложе — вещая сибилла,
Облачась в убор нескромный,
Чорный веер распустила,
Чорным полком оттенила
Бледно-матовую грудь.

Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...
И от лож до темной сцены,
С позолоченных карнизов,
Отраженный, переменный —
Свет мерцал в глазах зевак...

Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти — взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!

25 сентября 1904

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.
Красный с козел прыгнул — и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.

Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый троттуар,
Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал —
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп.

Сентябрь 1904

День поблек, изящный и невинный.
Вечер заглянул сквозь кружева.
И над книгою старинной
Закружилась голова.

Встала в легкой полутени,
Заструилась вдоль перил...
В голубых сетях растений
Кто-то медленный скользил.

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала об убийстве —
Покачнулась — умерла.
Уронила матовые кисти
В зеркала.

24 декабря 1904

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ликов!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари — не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
— Ты украсил их тонкие пальцы
— Жемчугами несметной цены?

— Ты им дал разноцветные шубки?
— Ты зажег их снопами лучей?
— Ты раскрасил пунцовые губки,
— Синеватые дуги бровей?

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили все мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем несравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я Светлого Ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи троттуара,
Он одну приобщил к небесам...

А вверху — на уступе опасном —
Тихо съежившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.

Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далеко,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенье купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города — земного холода...

Спите. Забудьте слова лучезарных.
О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной работой!

Все тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далеко.

Январь 1905

ПОВЕСТЬ

Г. Чулкову

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился вниз.
Серые прохожие усердно проносили
Груз вечерних сплетен, усталых стертых лиц.

Прямо перед окнами — светлый и упорный —
Каждому прохожему бросал лучи фонарь.
И в дождливой сети — не белой, не черной —
Каждый скрывался — не молод и не стар.

Были, как виденья неживой столицы, —
Случайно, нечаянно вступающие в луч.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И — неожиданно резко — раздались проклятья,
Будто рассекая полосу дождя:
С головой открытой — кто-то в красном платье
Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бесшумный —
И мгновенно женщина, почных веселий дочь,
Бешено ударилась головой о стену,
С криком иступленья, уронив ребенка в ночь...

И столпились серые виденья мокрой скуки.
Кто-то громко ахал, качая головой.
А она лежала на спине, раскинув руки,
В грязно-красном платье, на кровавой мостовой.

Но из глаз открытых — взор упорно-дерзкий
Все искал кого-то в верхних этажах...
И нашел — и встретился в окне у занавески
С взором темной женщины в узорных кружевах.

Встретились и замерли в беззвучном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала...
Но через мгновенье на верху упали шторы,
А внизу — в глазах открытых — сила умерла...

Умерла — и вновь в дождливой сети тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднял на руки кричащего ребенка
И, крестясь, украдкой утирал глаза...

Но вверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотно-белый занавес пустел в сетях дождя.
Кто-то гладил бережно ребенку мокрый локон.
Уходил тихонько. И плакал, уходя.

Январь 1905

Иду — и все мимолетно.
Вечереет — и газ зажгли.
Музыка ведет бесповоротно,
Куда глядят глаза мои.

Они глядят в подворотни,
Где шарманщик вздыхал над тенью своей...
Не встречу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно,
Может быть, слишком упорно еще...
И — внезапно — тенью гадательной —
Вольная дева в огненном плаще!..

В огненном! Выйди за поворот:
На глазах твоих повязка лежит еще...
И она тебя кольцом неразлучным сожмет
В зменном логовище.

9 марта 1905

ПЕСЕНКА

Она поет в печной трубе.
Ее веселый голос тонок.
Мгла опочила на тебе.
За дверью плачет твой ребенок.

Весна, весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!
Вон — тощей вербы голый куст —
Унылый призрак долгих буден.

Вот вечер кутает окно
Сплошными белыми тенями.
Мое лицо освещено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотреть в упор,
В душе — бездумность и беснечность!
Там — вихрем разметен костер,
Но искры улетели в вечность...

Глаза горят, как две свечи.
О чем она тоскует звонко?
Пойдем. Не то прозят ребенка
Безумных глаз твоих мечи.

9 апреля 1905

ЛЕГЕНДА

Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли? —
Весна плыла высоко в синеве.
На глухую улицу в полночь вышли
Веселые девушки. Было — две.

Но Третий за ними — за ними следом
Мелькал, неслышный, в луче фонаря.
Он был неведом... одной неведом:
Ей казалось... казалось, близка заря.

Но синей и сипее полночь мерцала,
Тая, млея, сгорая полношумной весной.
И одна сказала... Ты слышишь? — сказала:
— О, как страшно, подруга... быть с тобой.

И была эта девушка в белом... в белом,
А другая — в черном... Твоя ли дочь?
И одна — дрожала слабеньким телом,
А другая — смеялась, бежала в ночь...

Ты слышишь, Господи? Сжался! О, сжался!
Другая, смеясь, убежала прочь...
И на улице мертвой, пустынной остались...
Остались... Третий, она и ночь.

Но, казалось, близко . . . Казалось, близко
Тренисто бродит, чуть белеет заря . . .
Но синий полог унал так низко
И задержал последний свет фонаря.

Был синий полог. Был сумрак долог.
И ночь прошла мимо них, пьяна.
И когда в траве заблестел осколок,
Она осталась совсем одна.

И первых лучей протянулись нити,
И слабые руки схватили нить . . .
Но уж город, гудя чредою событий,
Где-то там, далеко, начал жить . . .

Был любовный напиток — в красной пачке кредиток,
И зря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу дал непомерный избыток,
И отравленной пыли полетели столбы.

Подходили соседи и шептались докучно.
Дымно-сизый старик оперся на костыль —
И кругом стало душно . . . А в полях однозвучно
Хохотал Невидимка — и разбрасывал пыль.

В этом огненном смерче обняла она крепче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь . . .
Боже Правый! Соделай, чтобы твердь стала легче!
Отврати Твой разящий и карающий меч!

И откликнулось Небо: среди пыли и давки
Появился Архангел с убуленной рукой:
Всем казалось — Он вышел из маленькой лавки,
И казалось, что был Он — перепачкан мукой . . .

Но уж твердь разрывало. И земля отдыхала.
Под дождем умолкала песня дальних колес...
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангел белую девушку в Дом Свой унес.

15 апреля 1905

Я вам поведал неземное.
Я все сковал в воздушной мгле.
В ладье — топор. В мечте — герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летающим в облаке огня!

16 апреля 1905

НЕВИДИМКА

Веселье в почном кабаке.
Над городом синяя дымка.
Под красной зарей вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих дома,
Протяжно зовет и поет
На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

И воет, как брошенный пес,
Мяучет, как сладкая кошка,
Пучки вечеряющих роз
Швыряет блудницам в окошко...

И ломится в черный притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
Толпой проституток румяных...

В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью отворенной в лавку...
Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном — Жена.

16 апреля 1905

МИТИНГ

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как почные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.

Но те, внизу, не понимали
    Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
    Никто не заклеял.

И тихий ропот поднял руку,
    И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
    Упавшей головы.

Как-будто свет из мрака брызнул,
    Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
    Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
    Ворвался стон глухой,
И человек унал на плиты
    С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
    Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
    Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
    И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
    У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
На перевес держал.

Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий Ангел пролетающий,
И радость — без конца.

И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.

Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Все так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.

Уже на домах веют флаги,
Готовы новые пенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы.

И, если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешун.

18 октября 1905

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: Свергни! О, свергни!
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний Дворец царя.
И латник в черном¹⁾ не даст ответа.
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмой опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь.

18 октября 1905

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы.
И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних Богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
На даешь ему упасть.

---

¹⁾ Статуя на кровле Зимнего Дворца

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застылающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: — Богоматерь!
— Для чего в мой черный город
— Ты Младенца привела?

Но язык бессилён крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смогрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

29 октября 1905

ПЕРСТЕНЬ—СТРАДАНИЕ

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь.
Бледным лучом упала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькие думы — лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на почлег.
И пропадали среди уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи Боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними — девица.
Тонкие пальцы легли на капву.

Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет..
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

— Что я съумела, когда полюбила?
— Бросила мать и ушла от отца..
— Вот я с тобою, мой милый, мой милый..
— Перстень—Страданье нам свяжет сердца.

— Что я могу? Своей алой кровью
— Нежность мою для тебя украшать..
— Верностью женской, вечной любовью
— Перстень — страданье тебе сковать.

30 октября 1905

СЫТЫЕ

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — жолтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать.

10 ноября 1905

Лазурью бледной месяц плыл
Изогнутым перстом.
У всех, к кому я приходил,
Был алый рот крестом.

Оскал зубов являл печаль,
И за венцом волос
Качалась мерно комнат даль,
Где властвовал хаос.

У женщин взор был тускл и туп,
И страшен был их взор:
Я знал, что судороги губ
Открыли их позор,

Что нили ночь и забытье,
Но день их опалил..
Как страшно мирное жилье
Для тех, кто изменил!

Им смутно помнились шаги,
Падений тайный страх,
И плыли красные круги
В измученных глазах.

Меня сжимал, как змей, диван,
Пытливый гость — я знал,
Что комнат бархатный туман
Мне душу отравлял.

Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блестательная ложь!

О, запах пламенный духов!
О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь!

Январь 1906

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,
Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что сердце? Свиток чудотворный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвященных воротах,
И этот взор — не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черном шолком узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!

Не медли, в темных теньях кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс —
Сужденный магу млечный путь.

Март 1906

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлестворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

Мезнаколка.

По вечерамъ надъ ресторанами
Горятъ воздухъ дымъ и гудъ.
И правяръ окриками пьельми
Веселитъ и тлеворитъ дудъ.

Вдали, надъ плью переулоной,
Надъ суконъ загородныхъ дачъ,
Гудъ золотиса креидель бурноной,
И раздается дтский плачь.

И каждитъ вечеръ за шлагбаумомъ,
Заманьवास котееки,
Среди камъ урлоръ сь дамами
И ствфаньве остряки

Надъ озеромъ скрипитъ ухтоинь,
И раздается зиекитъ визъ

А в келье — ко велику приуроченъ —²
Безсмысленно кривится лист

И каждый берег друг единственнѣйшій
Во моемъ фантазѣ отражаетъ,
И влагонъ берной и башнефвенной,
Какъ я, смиренъ и огушенъ

А рядомъ — у созданныхъ формъ —
Вакен соковыя торговца,
И въявляюща и мазаинъ крошечныхъ,
"In vino veritas!" кричатъ.

И каждый берегъ, в гай: казнаженнѣйшій,
(Къ др тобою снятыя мѣт?)
Дѣвчынѣ стамъ, мелкаши схваченнѣйшій,
Во туманномъ движется оупѣ.

И медленнѣйшій, пройдя мѣтъ въявляюща,
Вседе безъ спурбннѣйшій, одка,
Дѣша духами и туманами.
Она садится у окна.

3

И вторъ древиши повъръши
Ея упроче шелеа,
И шелеа с трауркиши перъши,
И в колбуаш узнез руря.

И странной близостью заковантъ
Сило тую за телную вучаь.
И вилу берега огаровантъ
И огарованную даь.

Илихъ тайна мнѣ познать,
Мнѣ же-то солнце вучено,
И вет души моеи излучить
Произло терпкое вино.

И перъ страуса склоненны,
Въ моемъ катафес мозгу.
И очи сани, бездонны,
Цвѣтуть на даькеш берегу

4.
В моем думь лежать сокровище,
И кинь проучет только мить!
Ты право, нелегкое удовольствие!
Я знаю: истина во вину.

Александр Блок

И каждый вечер, за плаглабаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный,
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнемъ берегу.

В моей душе лежит сокровище.
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906
Озёрки

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — бесстыдно упительна
И унизительно горда.

За толстыми пивными кружками,
За сномъ привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкие черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

Вдыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что делать мне с тобой —
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

28 апреля 1911

Передвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,
И вот передо мной — за мглою —
Черты печальные сестры.

Она идет неслышным шагом,
За нею шевелится мгла,
И по долинам, по оврагам
Вздыхают груди без числа.

— Сестра, откуда в дождь и холод
— Идешь с печальной толпой,
— Кого бичами выгнал голод
— В могилы жизни кочевой?

Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,
И тихим светом озарилось
Все, что незримо на земле.

И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
И корчи ослабевших тел.

И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных веренища
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворцами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где проклиjali друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там — в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье — праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топа отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

В ОКТАБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Все, все по старому, бывалому,
И будет, как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А все хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как запил я!

Давно звезда в стакан мой канула, —
Ужели навсегда? ..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне ...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже все мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество! ..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Все, все по старому, бывалому,
Да только — без меня!

Октябрь 1906

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радоваться сердце
Тихою радостью
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.

Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

Октябрь 1906

Ночь. Город угомонился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.

— Звезды, звезды.
— Расскажите причину грусти.

И на звезды смотрит.

— Звезды, звезды.
— Откуда такая тоска?

И звезды рассказывают.
Все рассказывают звезды.

Октябрь 1906

Я в четырех стенах — убитый
Земной заботой и нуждой.
А в небе — золотом расшитый
Наряд бледнеет голубой.

Как сладко, и светло, и больно,
Мой голубой, далекий брат!
Душа в слезах, — она довольна
И благодарна за наряд.

Она — такой же голубою
Могла бы стать, как в небе — ты,
Не удрученный тяготою
Дух глубины и высоты.

Но и в стенах — моя отрада
Лазурию твоей гореть,
И думать, что близка награда,
Что суждено мне умереть...

И в бледном небе — тихим дымом
Голубоватый дух певца
Смешается с тобой, родимым,
На лоне Строгого Отца.

Октябрь 1906

ОКНА ВО ДВОР

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу — старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забывшие в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в окошце!..
Да нет, не заглянешь — пройдешь...
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Октябрь 1906

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе...

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе — весна.

А мне — какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вои там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмутив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселья нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Злеснет ли в окнах свет...

Лицо мое блее,
Чем белая стена...
Опять, опять сробею,
Когда придет она.

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказать?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

7 декабря 1906

ПОЖАР

Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.

Зданье дымом затянуло,
Толпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...

Крики брошены горстями
Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел стелет красный свет.

И, крутя живые спицы,
Мчатся вихрем колесницы,
Впереди — скакун с трубой
Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжело звонок,
Голос хриплой меди тонок,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной — где мы?...
Чьи взывают голоса?..

Нет, опять погаснут зданья,
Нет, опять он обманул, —
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...

Декабрь 1906

На серые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты, —

Я видел вас, женщины в темных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах —
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в клочья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

И в суете непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий мимо,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои не смелы,
Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы,
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заметил?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, светел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
Погаснут все — в урочный час.

Декабрь 1906

НА ЧЕРДАКЕ

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан..
Вот — закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи доска...
Чтоб не испугала
Милого дружка!

Декабрь 1906

КЛЕОПАТРА

Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды
Надменный вздох истлевших уст;

— Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь — я воск. Я тлен. Я прах.

— Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!

— Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь — будем оба
В веках равны перед судьбой?

Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колышется едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:

- Тогда я исторгала грозы.
- Теперь исторгну жгучей всех
- У пьяного поэта — слезы,
- У пьяной проститутки — смех.

16 декабря 1907

НЕ ПРИШЕЛ НА СВИДАНИЕ

Поздним вечером ждала
У кнсейного окна
Вплоть до раннего утра.

Нету милого — ушла.
Нету милого — одна.
Даль мутна, светла, сыра.

Занавесила окно,
Засветила огонек,
Наклонилась над столом...

Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

Льется, льется холодок.
Догорает огонек.

— Как он в губы целовал...
— Как невестой называл...

Рано, холодно, светло.
Ветер ломится в стекло.

Посмотри одним глазком,
Что там с миленьким дружком?..

Белый саван — снежный плат.
А под платом — голова...
Тяжело проспать в гробу.

Ноги вытянулись в ряд..
Протянулись рукава...
Ветер ломится в трубу...

Выйди, выйди из ворот..
Лейся, лейся, ранний свет,
Белый саван, распухай..

Приподымешь белый край —
И сомнений больше нет:
Провалился мертвый рот.

Февраль 1908
Ревель

СНЕЖНАЯ МАСКА

Посвящается Н. Н. В.

1907

СНЕГА

СНЕЖНОЕ ВИНО

И вновь, сверкнув из чаши вишней,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.

Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сон о поцелуях,
О снежных выюгах вокруг тебя.

И ты смеешься дивным смехом,
Зменшься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидеть себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

29 декабря 1966

СНЕЖНАЯ ВЯЗЬ

Снежная мгла взвилась.
Легли сугробы кругом.

Да. Я с тобой незнаком.
Ты — стихов моих плеснящая вязь.

И тайно сплетается вязь,
Нити снежные тку и плету.

Ты не первая мне предалась
На темном мосту.

Здесь — электрический свет.
Там — пустота морей,
И скована льдами злая вода.

Я не открою тебе дверей.
Нет.
Никогда.

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
Ты смотришь все той же пленной душой
В купол все тот же — звездный...

И смотришь в печали,
И снег синей..

Темные дали,
И блистательный бег саней...

И когда со мной встречаются
Неизбежные глаза, —

Глуби снежные вскрываются,
Приближаются уста...

Вышина. Глубина. Снеговая тишь.
И ты молчишь.
И в душе твоей безнадежной
Та же легкая, пленная грусть.

О, стихи зимы среброснежной!
Я читаю вас наизусть.

3 января

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В снежной пене — предзакатная —
Ты встаешь за мной вдаль,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,
И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.

И на этот путь оснеженный,
Если встанешь — не сойдешь.
И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.

Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов, закованный в снега.

3 января

НА СТРАЖЕ

Я — непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Он — простерт над бездной водной
С поднятой к небесам трубой.

Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.
И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.

И, опустивший меч на струн,
Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелун,
Падеья, клятвы и позор.

И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет темная комета
В пучины новых темных встреч.

3 января

ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещением я.

И в новый мир вступаю, знаю,
Что люди есть, и есть дела.
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень выюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещения
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчись, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещением третьим будет — Смерть.

3 января

НАСТИГНУТЫЙ МЕТЕЛЮ

Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: — Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь.

И указала на дальние города линии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей подъятый молот
Бросил нас в бездну, где искры неслись,
Где снежинки пугливо вились...

Какие-то искры,
Каких-то снежинок неверный полет...
Как быстро — так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
Голубой...

Метель взвилась,
Звезда сорвалась,
За ней — другая...
И звезда за звездой

Понеслась,
Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

В небе вспыхнули темные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной —
В блеске твоём, комета!
В блеске твоём, среброснежная ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья своего.

Так взойди ж в морозном инее,
Непомерный свет — заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

3 января

НА ЗОВ МЕТЕЛЕЙ

Белоснежней не было зим
И перистой тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым.
Умиralи звуки.

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обреченные оба
На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,
Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

3 января

ЕЕ ПЕСНИ

Не в земной темнице душевной
Я гублю.
Душу вверь ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укrotи.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января

КРЫЛЬЯ

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дольные покину.

Бейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дольные, вздохните!

В сердце — легкие тревоги,
В небе — звездные дороги,
Среброснежные чертоги.

Сны метели светлосмейной,
Песни вьюги легковейной,
Очи девы чародейной.

И какие-то печали
Издали,
И туманные скрижали
От земли.
И покинутые в дали
Корабли.
И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.

И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами —
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

Январь

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И опять твой сладкий сумрак, влюбленность.
И опять: — «Навеки. Опустя глаза твои».
И дней туманность, и ночная бессонность,
И вдали, в волнах, вдали — пролетевшие ладьи.

И чему-то над равнинами снежными
Улыбнувшись задумчиво заря.
И ты, осенившая крылами белоснежными
На вечный покой отходящего царя.

Ангел, гневно брови изламывающий,
Два луча — два меча скрестил в вышине.
Но в гневах стали звенящей и падающей
Твоя улыбка струится во мне.

4 января

НЕ НАДО

Не надо кораблей из дали,
Над мысом почивает мрак.
На снежносинем покрывале
Читаю твой условный знак.

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Ладьи ночные пролетели,
Нырля в ледяных струях.

И нет моей завидней доли —
В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой выюгой умереть.

Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен.
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.

4 января

ТРЕВОГА

Сердце, слышишь
Легкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Выюги плыли,
Лунный серп застыл...

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, —
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайнными снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!

Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!

Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!

Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть черных звезд!

4 января

ПРОЧЬ

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.

И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лед.

— Кто ты? Кто ты?
Сковап дремой,
Пробудись!

От дремоты
Незнакомой
Исцелись!

Мы — целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!

В златоверхне хоромы,
К созидающей работе
Воротись!

— Кто вы? Кто вы?
Рая дщери!
Прочь! Летите прочь!

Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?

Стерегут мне келью совы, —
Вам забвенью и потере
Не помочь!

На груди — снегов оковы,
В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла!

Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лет ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне — мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умирающего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.

У меня над ложем — знаки
Черных дней.

И струит мое веселье
Два луча.

То горят и дремлют маки
Злых очей.

8 января

И ОПЯТЬ СНЕГА

И опять, опять снега
Замели следы...

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.

И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.

И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.

И за тучей снеговой
Задремали корабли —
Опрокинутые в твердь
Стапы снежных мачт,

И в полях гуляет смерть —

Снеговой трубач...
И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...

Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд...

8 января

ГОЛОСА

Двое проносятся в сфере метелей

Он

Нет исхода вьюгам певучим!
Нет заката очам твоим звездным!
Рукою подъятой к тучам
Ты влечешь меня к безднам!

Она

О, настигай! О, догони!
Померкли дни.
Столетия минут.
Земля остынет.
Луна опрокинет
Свой лик к земле!

Он

Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле!

Она

Оставь тревоги
Метель в дороге
Тебя застигла.
Ласкают вьюги,
Ты — в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!

Он

Сердце — громада
Горной лавины —
Катится в бездны...
Ты гибели рада,
Дева пучины
Звездной!

Она

Я укачала
Царей и героев...
Слушай снега!
Из снежного зала,
Из надзвездных покоев
Поют боевые рога!

Он

Меч мой железный
Утонул в серебряной выюге...
Где меч мой? Где меч мой!

Она

Внимай! Внимай! Я — ветер встречный!
Мы — в лунном круге!
Мы — в бездне звездной!

Он

Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
Отвори мне застывшие руки!

Она

Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молод, —
Расстанься с дольною жизнью!

Он

Прости! Прости!
Остыло сердце!
Где ты, солнце?

Вьюга вздымает белый крест

8 января

В СНЕГАХ

И я затянут
Лентой млечной!
Тобой обманут,
    О, Вечность!

Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
    Темница мира!

Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
Мне.

И корабль закатный
Тонет
В нежно-синей
Глубине.

9 января

МАСКИ

ПОД МАСКАМИ

А под маской было ~~бездно~~ бездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной.
Уводила время прочь.

И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Земедляя шаг.

И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.

А в шкапу дремали книги.
Там — к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.

9 января

БЛЕДНЫЕ СКАЗАНЬЯ

- Посмотри, подруга, эльф твой
Улетел!
— Посмотри, как быстролетны
Времена!

Так смеется маска маске,
Злая маска, к маске скромной
Обратясь,

- Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...

Темный рыцарь вокруг девицы
Заплетает вязь.

Тихо шепчет маска маске,
Злая маска — маске скромной
Третья — смущена...

И еще темней — на темной
Завесе окна.

Темный рыцарь — только мнится...
И стрельчатые ресницы
Опускает маска вниз.
Снится маске, снится рыцарь...
— Темный рыцарь, улыбнись...

Он рассказывает сказки,
Опершись на меч.
И она внимает в маске.
И за ними — тихий танец
Отдаленных встреч...

Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
А за ними — тихий танец
Отдаленных встреч.

И на завесе оконной
Золотится
Луч протянутый от сердца —
Тонкий цепкий шнур.

И потерянный, влюбленный
Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
Амур.

9 января

СКВОЗЬ ВИННЫЙ ХРУСТАЛЬ

В длинной сказке
Тайно кроясь,
Бьет условный час.

В темной маске
Прорезь
Ярких глаз.

Нет печальной покрывала,
Тоньше стана нет...

— Вы любезней, чем я знала,
Господин поэт!

— Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя...

На плече за тканью тусклой,
На конце ботинки узкой
Дремлет тихая змея.

9 января

В УГЛУ ДИВАНА

Но в камине дозвенели
Угольки.

За окошком догорели
Огоньки.

И на вьюжном море тонут
Корабли.

И над южным морем стонут
Журавли.

Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.

Верь лишь мне, ночное сердце,
Я — поэт!

Я, какие хочешь, сказки
Расскажу,

И, какие хочешь, маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне,

Страшных очерки видений
На стене.

И любой колени склонит
Пред тобой..

И любой цветок уронит
Голубой..

9 января

ТЕНИ НА СТЕНЕ

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!

Ах, петуший гребень,
Ваш украсил шлем!

Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?

К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...

Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.

Эти розаны — мне, рыцарь,
Милый друг принес...

Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз...

9 января

НАСМЕШНИЦА

Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
— Я не знала:
Тоже можешь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!

И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами почными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.

Тени плыли, колдовали,
Струйки вишневые дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с визгом...

И она пришла опять
И сказала: — Рыцарь, что ты?
Это — сны твоей дремоты...
Что ты хочешь услышать?
Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха.

10 января

ОНИ ЧИТАЮТ СТИХИ

Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.

Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? — Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах — сказки,
А в жизни — только проза есть.

Но для меня неразделимы
С тобою — ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.

Не будь и ты со мною строгой,
И маской не дразни меня.
И в темной памяти не трогай
Нного — страшного — огни.

10 января

НЕИЗБЕЖНОЕ

Тихо вывела из комнат,
Затворила дверь.

Тихо. Сладко. Он не вспомнит,
Не запомнит, что теперь.

Вьюга память похоронит,
Навсегда затворит дверь.

Сладко в очи поглядела
Взором, как стрела.

Слушай, ветер звезды гонит,
Слушай, пасмурные кони
Топчут звездные пределы
И кусают удила...

И под маской — так спокойно
Расцвели глаза.

Неизбежно и спокойно
Взор упал в ее глаза.

13 января

ЗДЕСЬ И ТАМ

Ветер звал и гнал погою,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...

Заметал снегами сани,
Коней иглами дразнил,
Строил бапти из тумана,
И кружил, и пел в тумане,
И из снежного бурана
Оком темным сторожил.

И метался ветер быстрый
    По бурьянам,
И снопами мчались пскры
    По туманам, —
Ветер масок не догнал,
И с высот сереброзвездных
    Тучу белую сорвал...

И в открытых синих безднах
    Обозначились две тени,
    Улетающие в дали
    Незнакомой стороны...

Странныхъ очерки видений
В черных масках танцевали —
    Были влюблены.

13 января

СМЯТЕНИЕ

Мы ли — пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.

Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?

И твои мне светят очи
На яву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Разметались космы ночи...

И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?

Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлос мое!

13 января

ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призорами
Белой смерти предала...

И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

12 января

НЕТ ИСХОДА

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...

Тихо смотрит в меня,
Темноокая.

И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...

И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня
В среброснежном покое —
О, Твои, Незнакомая, снежные жертвы!

И приветно глядят на меня:
— Восстань из мертвых!

13 января

СЕРДЦЕ ПРЕДАНО МЕТЕЛИ

Сверкни, последняя игла,
В снегах!

Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снежный прах!

Убей меня, как я убил
Когда-то близких мне!

Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,
Я бросил сердце с белых гор,
Оно лежит на дне!

Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!

Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!

13 января

НА СНЕЖНОМ КОСТРЕ

И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят ночи в высоте.

Молодые ходят ночи,
Сестры — пряжи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.

И крылатыми очами
Нежно смотрит высота.
Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вокруг креста!

В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я-ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?

Будь и ты моей любовью.
Милый рыцарь, я стройна,
Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.

Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...

Так гори, и яр и светел,
Я же — легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.

13 января

Ф А И Н А

Вот явилась. Засломила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...

И о той-ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромн дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Капнут в пламенный костер!

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!

Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой, снежной далью
Пала темная вуаль...

Декабрь 1906

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шолк,
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся — театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас рампы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вот, опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной — вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1906

Н. Н. В.

Я в дольний мир вошла, как в ложу,
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.

Они поют из темной ложи.
— Найди. Люби. Возьми. Умчи.
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.

И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!

Взор мой — факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой полком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!

Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных,
Я плыву, скользя . . .
В серебре метелей кроюсь,
Ты горюшь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!

1 января 1907

Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской шали
Цвела ночная тишина.

В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.

Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.

Но в имени твоём — безмерность
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозных.

И, миру дольнему подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

31 марта 1907

За холмом отзвенели упругие латы,
И копье потерялось во мгле.
Не сняет и шлем — золотой и пернатый —
Все, что было со мной на земле.

Встанет утро, застанет раскинувшим руки,
Где я в небо ночное смотрел.
Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки,
Обольют меня тучами стрел.

Если близкое утро пророчит мне гибель,
Неужели твой голос молчит?
Чую, там, под холмами, на горном изгибе
Лик твой молниенный гневом горит!

Воротись, ты направишь копье полуночи
Солнцебогу веселому в грудь.
Я увижу в зменных кудрях твои очи,
Я услышу твой голос: — Забудь.

Надо мною ты в своем покрывале,
С исцеляющим жалом — змея...
Мы узнаем с тобою, что прежде знавали,
Под неверным мерцаньем копья!

2 апреля 1907

Моей матери

Я насадил мой светлый рай
И оградил высоким тыном,
И в синий воздух, в дивный край
Приходит мать за милым сыном.

— Сын милый, где ты? — Тишина.
Над частым тыном солнце зреет,
И медленно и верно греет
Долину райского вина.

И бережно обходит мать
Мои сады, мои заветы.
И снова кличет: — Сын мой! Где ты?
Цветов стараясь не измять...

Все тихо. Знает ли она,
Что сердце зреет за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившим райского вина?

Апрель 1907

В этот летний серый вечер,
Возле бедного жилья,
По тебе томится ветер,
Чорноокая моя!

Ты в каких степях гуляла,
Дожидалась до звезды,
Не дождавшись обнимала
Прутья ивы у воды?

Разлюбил тебя и бросил,
Знаю — взял, чего хотел,
Бросил, вскинул пару весел,
Уплывая, не запел...

Долго ль песни заунывной
Ты над берегом ждала,
И какой реке разливной
Душу-бурю предала?

25 июня 1907

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

I

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалееет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу по реке широкой:
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах --- такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И чели твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

2

И вот уже ветром разбиты, убиты,
Кусты облетелой ракиты.

И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на лапниках.
Но в темных орбитах
Взглянули, сверкнули глаза невозможным...

И радость, и слава —
Все в этом сиянии бездонном,
И дальном.

Но смятые травы
Печальны,
И листья крутятся в лесу обнаженном...

И снится, и снится, и снится:
Бывалое солнце!
Тебя мне все жальче и жальче...

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?

3

Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отрадно:
Ты думаешь — нежная ласка,
Я знаю — восторг мятежа!

И теплятся очи, как свечи
Ночные, и слушаю жадно —
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит мсжа...

О, в этот сияющий вечер
Ты будешь все также прекрасна,
И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой!

Я знаю, что холоден ветер,
Я верю, что осень бесстрашна!
Но в темном плаще не узнают,
Что ты пировала со мной!..

И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги,
Холодные выси мои...

Часы торжества миновали --
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.

3 октября 1907

В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались, как чужие,
Забыв, что есть простое ты.

И каждый был красив и молод,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод
Под одичалой красотой.

И, сердцем вечно строгим мёря,
Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздражить — и укротить.

И чуждый — чуждой жал он руки,
И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.

Так, в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледно-синий
Их обреченная душа.

10 октября 1907

СНЕЖНАЯ ДЕВА

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времён.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыплет
Звездами плечи, грудь и стан, —
Все спится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство приняла.

Ей стали правиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома --
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге — строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.

И я, как вождь враждебной рати.
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

17 октября 1997

И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Монх волос касались руки,
Смотрели темные глаза.
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом.
Она рассказывает сны.
И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни.
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые — и вот,
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...

Потом — опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прячет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном — гулко
Звонят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в свету,
И вьется шлейф, как хвост кометы...

И, настигая, с новым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...
Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь, —

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш крут...
И бред. И мрак. Сняют очи.
На плечи волосы текут
Волной свища — чернее мрака...
О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий, —
И звонкий утрешний трезвон:
Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь — буйна, хмельна...

Да! с нами почь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
День обессиленный погас. —
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...

И снова вечер...

21 октября 1907

ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМ И МРАКОМ

За все, за все тебя благодарю я;
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в
пустыне.

Лермонтов

1

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустышные веси
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем Бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

2

Привывший мир, как звонкий дар,
Как злата гореть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город — яркий сноп огня,
Река — прозрачное стекло,
И только — нет меня..

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене — смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я..
Крести крещеньем огненным
О, милая моя!

26 октября 1907

3

Я неверную встретил у входа:
Урошила платок — и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи,
Открывал ей все тайны с людьми,
Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...

Но она ускользающей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багряницей
Засыпающий праздничный флаг.

И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное — было мечтой.

23 октября 1907

4

Перехожу от казни к казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможным дразнишь,
Немыслимым томишь меня...

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть.
Я только робкой тенью всю,
Не смея в небо заглянуть...

Как ветер, ты целуешь жадно,
Как осень, шлейфом шелестя,
Храня в темнице безотрадной,
Меня, как бедное дитя...

Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду
Под этим взором, слишком черным,
В моем пылающем бреду...

Лишь утром смею покидать я
Твое высокое крыльцо,
А ночью тонет в складках платья
Мое безумное лицо...

Лишь утром воронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою мечту...
А ночью снова — знаю, знаю
Твою земную красоту!

Что быть бесстрастным? Что — крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой — в огне ночной зари!

Октябрь 1907

5

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

Пойми, в этом сумраке — магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным флагом,
На страже, под ветром, в бреду...

И ветер поет и пророчит
Мне в будущем — сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,
Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок...

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце — летящая птица...
Что в сердце — щемящая лень...

21 октября 1907

6

В бесконечной дали коридоров
Не она ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров
От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что темен мой храм.
Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открыты глазам.

Сердце — легкая птица забвений
В золотой пролетающий час:
То она, в опьяненьи кружений,
Пляской тризну справляет о вас.

Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит наверное темных,
Прислоненных, как я, у стены...

Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истоми ты истомой ресницы,
К бледно-смуглым плечам припади!

Сердце бьется, как птица томится —
То вдали закружилась она —
В легком танце, летящая птица,
Никому, ничему не верна...

23 октября 1907

7

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет — и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между —
И буду в струйном лепете.

И шепчет он — не отогнать
(И воля уничтожена):
— Пойми: уменьем умирать
— Душа облагорожена.

— Пойми, пойми, ты одинок,
— Как сладки тайны холода . . .
— Взгляни, взгляни в холодный ток,
— Где все навеки молодо . . .

Бегу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст ракиновый!

Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И болей всех большее боль
Вернет с пути окольного!

26 октября 1907

8

О, что мне закатный румянец,
Что злые тревоги разлук?
Все в мире — кружащийся танец
И встречи трепещущих рук!

Я бледные вижу ланиты,
Я поступь лебяжью ловлю,
Я слушаю говор открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
Тревожат в усталом пути...
А все пелена снеговая
Не может меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
Снежинки — холодная весть...
Души моей тонкие нити,
Порвите, развейтесь, сгорите...

Ты, холод, мой холод, мой зимний,
В душе моей — страстное есть...
Стань, сердце, вздымающий схимник,
Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летит, летит, летит,
Звенит, и снег крутит, крутит,
    Палестает вихрь
    Снежных некр...

Ты виденьем, в иляске нежной,
Посреди подруг
Обошла равниной снежной,
    Быстротечный
    Бескопечный круг...

Слышу говор твой открытый,
Видю бледные ланиты,
    В ясный взор гляжу...

Все, что не скажу,
Передам одной улыбкой...
Счастье, счастье! С нами ночь!
Ты опять тропую зыбкой
    Улетаешь прочь...
    Заметая, заповая,
    Стан твой гибкий
Вихрем туча снеговая
    Обдала,
    Отняла...

И опять метель, метель
Вьет, пост, кружит...
Все — виденья, все — измены...
В снежном кубке, полном пены,
    Хмель
    Звенит...

Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети девичий след —
    Смерти нет!

В темном поле
    Бродит свет!
Горькой доле —
    Много лет...

И вот опять, опять в возвратный
    Пустилась пляс...
Метель поет. Твой голос — вятный.
    Ты пошлась
    Опять по кругу,
    Земному другу
    Сверкнув на миг...

Какой это танец? Каким это светом

Ты дразнишь и манишь?

В кружении этом

Когда ты устанешь?

Чьи песни? И звуки?

Чего я боюсь?

Щемящие звуки

И — вольная Русь?..

И словно мечтанье, и словно круженье,

Земля убегает, скрывается твердь,

И словно безумье, и словно мученье,

Забвенье и удаль, смятенье и смерть, —

Ты мчишься! Ты мчишься!

Ты бросила руки

Вперед...

И песня встает...

И странным сияньем сияют черты...

Удалая пляска!

О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска...

Гармоника — ты?

1 ноября 1907

Гармоника, гармоника!

Эй, пой, визжи и жги!

Эй, жолтенькие лютики,

Весенние цветки!

Там с посвистом, да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная, — пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствую, люблю,
Что вся ты —ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!...

9 ноября 1907

10

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет сладко,
Другой твои песни споет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодница — повыше
Других молодниц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

26 октября 1907

11

И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,
Заполнит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой...

Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель поет, поет...

В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.

Как будто, на середине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...

8 ноября 1907

ИНОК

Никто не скажет: я безумен.
Поклон мой низок, лик мой строг.
Не позовет меня игумен
В ночи на строгий свой порог.

Я грустным братьям — брат примерный,
И рясу черную несу,
Когда с утра, походкой верной
Сметаю с бледных трав росу.

И, подходя ко всем иконам,
Как строгий и смиренный брат,
Творю поклон я за поклоном,
И за обрядами обряд.

И кто поймет, и кто узнает,
Что ты сказала мне: молчи...
Что воск души блаженной тает
На ярое пламени свечи...

Что никаких молитв не падо,
Когда ты ходишь по реке
За монастырскою оградой
В своем монашеском платке.

Что вот — меня цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты,
И потерял я счет неделям
Моей преступной красоты.

6 ноября 1907

ПЕСНЯ ФАИНЫ

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся — змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!

Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

Стунай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Стунай — бичом хлещу!

Попробуй кто, приходи в мой сад,
Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
Сгорить в моем саду!

Я вся — весна! Я вся — в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!

Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!

Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой —
Свисти, мой тонкий бич!

Декабрь 1907

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.

Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...

А здесь — какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
— Качай чужую колыбель,
— Ласкай немилото ребенка...

Я тоже — здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой прииженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепию.
Мой сырый дух — твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что жизни сон глухой?
Отрава — вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала мне:
А люди — на могильном камне
Начертят прозвище: Поэт.

13 января 1908

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.

И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела
Чтобы я читал ей вслух Макбета.

Едва дойдя до п у з ы р е й з е м л и,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что пропли времена Паоло и Франчески.

6 февраля 1908

Я помню длительные мўки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
Депь обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

4 марта 1908

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять — бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня..
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И все равно, чей вздох, чей шопот, —
Быть может, здесь уже не ты..
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень...

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавядя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? —
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

Посв. Г. Чулкову

О СМЕРТИ

Все чаще я по городу брожу.
Все чаще вижу смерть — и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на грудах щебня,
А за глухим забором — ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом — внезапный крик:
— Упал! Упал! — кричали на заборе,

И я, вскочив на малепький пенек,
Увидел все зараз: вдали летели
Жокен в пестром — к тонкому столбу.
Чуть чуть отстав от них, скакала лопадь
Без седока, взметая стремена.
А за листвою кудрявеньких березок,
Так близко от меня — лежал жокей,
Весь в желтом, в зеленях весенних злаков.
Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как-будто, век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И также медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,

Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли —
И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит вверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерпевших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песка,
Таскали — то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже свергали грязные их пятки,
И матери — с отвислыми грудями
Под грязным платьем — ждали их, ругались
И, надавав затрепчин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревешки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.

И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать
Тот — бревнышко, другой — кирпичик...

И вдруг раздался всплеск воды и крик:
— Упал! Упал! — опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу — лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,

Забитых возле небережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни пашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,

И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!

Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выдсят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,

Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

НАД ОЗЕРОМ

С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой чаще
Высоких сосен, с выступов песчаных,
Из-за могил и склепов, где огни
Лампад и сумрак дымно-сизый —
Влюбленные ему я песни шлю.

Оно меня не видит — и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в небо,
Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.

Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зеленый,
Как раз, на самой розовой воде.
К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным путем,
И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне — ее ползучий, хриплый шум.
Я на уступе. Надо мной — могила
Из темного гранита. Подо мной —
Белеющая в сумерках дорожка.
И, кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я неподвижный,
В широкой шляпе, среди почных могил
Скрестивший руки, стройный и влюбленный в мир.
Но некому взглянуть. Внизу идут
Влюбленные друг в друга: нет им дела
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Им нужны человеческие вздохи,
Мне нужны вздохи сосен и воды.
А озеру — красавице — ей нужно,
Чтоб я, никем не видимый, запел

Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

Прошли все пары. Сумерки синей,
Белой туман. И девичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могилы, не заметивши меня...
Я вижу легкий профиль. Пусть не знает,
Что знаю я, о чем пришла мечтать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там — самовары,
И синий дым сигар, и плоский смех...
Она пришла без спутников сюда...
Наверное, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющимся задом и ногами
Завернутыми в трубочки штанов!
Она глядит, как будто, за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то так далеко, так далеко,
Куда и я не в силах заглянуть...

О, нежная! О, тонкая! — И быстро
Ей мысленно прискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!
Да, Теклой!.. — И задумчиво глядит
В клубящийся туман.. Ах, как прогонит!..
А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица — нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой...

Он подошел... он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
Я даже выдвинулся из-за склепа...
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу, пляшу
Среди могил — незримый и высокий...
Кричу: — Эй, Фекла! Фекла! — И они
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...
Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
Прижавшись крепко к кителю, почти
Бегом бежит за ним ...

Эй, доброй ночи!

И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: — Здравствуй! я кричу...
И голосом красавицы — леса
Прибрежные отвечают мне: — Здравствуй!
Кричу: — Прощай! — они кричат: — Прощай!
Лишь озеро молчит, влача туманы,
Но явственно на нем отражены
И я, и все союзники мои:
Почь белая, и Бог, и твердь, и сосны...

И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер свищет
В горячес лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белест утро.

Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком кресле,
И на письме трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
«Цветы меня не радуют. Пишите...
«Простите и сожгите этот бред...»

И томные слова... И длинный почерк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных волосах.

Шувалово

В СЕВЕРНОМ МОРЕ

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Настави́чи столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо дохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменяв
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и грудей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Целовкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утонаящая туча
В предсмертном гневе мечет из очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с тобой».
«Здесь были Коля с Катей». «Диодор
«Иеромонах и послушник Исидор
«Здесь были. Дивны Божьи дела», —
Прочти все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.

Беззвучно пыхтит и пахнет. Два крыла
Бегут в воде за нами: Вьется быстрый след,
И, обогнув скучающих на пляже,
Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной рябью
В просторную ласкающую соль.

На горизонте, за синевой, далеко
Безмолвным заревом стоит пожар.
Рыбачий «Вольный» остров распростерт
В воде, как плоская спина морского
Животного. А впереди, вдали —
Огни судов и снопы лучей бродячих
Прожектора таможенного судна.
И мы уходим в голубой туман.

Косым углом торчат над морем вежи,
Метелками фарватер оградив,
И далеко — от вежи и до вежи —
Рыбачьих шхун маячат паруса...

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.
На тонкой мачте — маленький фонарь,
Что камень драгоценной фероньеры,
Горит над матовым челом небес.

На острогрудой, в полной тишине,
В причудливых сплетениях снастей,
Сидят, скрестивши руки, люди в светлых
Панамах, сдвинутых на строгие черты.
А посреди, у самой мачты, молча,
Стоит матрос, весь темный, и глядит.

Мы обгибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: — «Хотите на буксир?»
И с важной простотой нам отвечает
Суровый голос: — «Нет. Благодарю».

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами...
На драгоценный камень фероньеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт

В ДЮНАХ

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
«Ты мой». «Твоя». «Люблю». «Навеки твой».
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
«Сияющий и новый день. Приди.
«Бери меня, торжественная страсть.
«А завтра я уйду — и запою».

Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — все те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен — нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов.
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.

Там открывалась новая страна —
И русский бесприютный храм глядел
В чужую, незнакомую страну.

Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом — вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далеко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был, как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах
Когда их заплела ночная синь.

И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она — и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
Хохочет платье, вздутое от бега...

Лежу и думаю: «Сегодня ночь
«И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
«Пока не затравлю ее, как зверя,
«И голосом, зовущим, как рога,
«Не прегражу ей путь. И не скажу:
«—Моя. Моя». — И пусть она мне крикнет:
«Твоя. Твоя!»

Июнь—июль 1907
Дюны

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

	Стр.
Ангел-Хранитель (Люблю тебя)	98
Балаганчик (Вот открыт)	72
Балаган (Над черной слякотью)	115
Барка жизни встала	143
Белый конь чуть ступает	21
Блеснуло в глазах	141
Болотные чертенятки (Я прогнал тебя)	14
Болотный поник (На весенней проталинке)	18
Болото — глубокая впадина	22
Бред (Я знаю — ты близкая)	87
Вербочки (Мальчики да девочки)	93
Веселье в ночном кабаке (Невидимка)	151
Весны и зимы (Проклятый колокол)	111
Вечность бросила в город	134
Взморье (Сонный вздох)	48
Вися над городом	155
Влюбленность (Королевна жила)	68
Волновать меня (Пляски осенние)	26

Вольные мысли (четыре стих.)	259
Вот, в изнурительной работе	55
Вот, на тучах пожелтелых	67
Вот Он, Христос, в цепях	85
Вот открыт (Балаганчик)	72
Вот явилась	223
Все бежит	51
Вступление (Ты в поля отошла)	11
Всю жизнь ждала	252
Все отошли	65
Всюду ясность Божья	124
Выхожу я (Осенняя воля)	78
В бесконечной дали (Заклятие)	242
В высь изверженные дымы	139
В голубой далекой спаленке	84
В кабаках, в переулках	142
В лапах косматых	82
В окнах занавешенных (Повесть)	145
В октябре (Открыл окно)	168
В пустом переулке (Обман)	133
В пыльный город (Гимн)	137
В серебре росы трава	118
В синем небе	113
В те ночи светлые, пустые	232
В туманах, над сверканьем рос	77
В час глухой разлуки	116
В этот серый летний вечер	228
Гармоника (Заклятие)	242
Гимн (В пыльный город)	137
Город в красные пределы	135
Господь, Ты слышишь (Легенда)	148

Гроб невесты	53
Г. Гюнтеру (Ты был осыпан)	96
Девушка пела	81
Девушке (Ты перед ним)	122
День поблек	141
Дни и ночи (Поеднок)	131
Ее прибытие (Семь стих.)	56
Есть лучше и хуже меня	100
Еще прекрасно серое небо	155
Жду я смерти	45
Зажигались окна	50
Заклятие огнем и мраком (11 стих.)	237
Заплетаем (Угар)	106
За холмом отзвенели	227
Зачатый в ночь	120
Здесь тишина (Тишина цветет)	107
Золотисты лица купальниц (Твари весенние)	16
Иванова ночь (Мы выйдем в сад)	94
И вот уже ветром (Осенняя любовь)	230
Иду — и все мимолетно	146
Инок (Никто не скажет)	250
Ищу огней	110
И я опять затих (Заклятие)	243
И я провел безумный год	234
Клеопатра (Открыт паноптикум)	179
Когда вы стоите на моем пути	254
Когда в листве (Осенняя любовь)	229
Когда гляжу (Песня Фанны)	251
Когда я создавал героя	123

Кому назначен (Усталость)	118
Королевна жила (Влюбленность)	68
К вечеру вышло тихое солнце	170
К зеленому лугу (Эхо)	25
Лазурью бледной месяц плыл	159
Легенда (Господь, Ты слышишь)	148
Люблю тебя (Ангел-Хранитель)	98
Маг, простерт (Ночь)	54
Мальчики да девочки (Вербочки)	93
Милый брат! Завечерело	91
Митинг (Он говорил умно)	152
Моей матери (Помнишь думы?)	64
Моей матери (Тихо. И будет)	76
Мы встретились (Холодный день)	167
Мы выйдем в сад (Иванова ночь)	94
Мы подошли — и воды синие	93
На весенней проталинке (Болотный попик)	18
На весеннем пути в теремок	19
Над черной слякотью (Балаган)	115
На перекрестке, где даль поставила	13
На серые камни ложилась дремота	176
На чердаке (Что на свете выше)	178
Невидимка (Веселье в ночном кабаке)	151
Незнакомка (По вечерам, над ресторанами)	162
Нежный! У ласковой речки	52
Нет имени тебе	105
Не мани меня ты, воля	80
Не пришел на свиданье (Поздним вечером)	181
Не строй жилищ	71
Никто не скажет (Инок)	250

Ночная Финалка	29
Ночь. Город утомился	170
Ночь (Маг, простерт)	54
Обман (В пустом переулке)	133
О, весна без конца (Заклятие)	237
Одна мне осталась (Окна во двор)	172
О жизни, догоревшей в хоре	112
Окна во двор (Одна мне осталась)	172
Она веселой невестой была	69
Она поет (Песенка)	147
Она пришла из дикой дали (Снежная Дева)	233
Она пришла с заката	124
Она пришла с мороза	255
Они давно меня томили (Сытые)	158
Он говорил умно (Митинг)	152
Он спит, пока (Петр)	130
Осенняя воля (Выхожу я в путь)	78
Осенняя любовь (Три стих.)	229
Осень поздняя	24
Оставь меня в моей дали	80
Открыл окно (В октябре)	168
Открыт паноптикум (Клеопатра)	179
О, что мне закаты (Заклятие)	244
Передвечерню порою	165
Перехожу от казни (Заклятие)	
Перстень - Странанье (Шел я по улице)	157
Песенка (Она поет)	147
Песня Фанны (Когда гляжу)	251
Петуха упустила (Сказка о петухе)	89
Петр (Он спит, пока)	130
Пляски осенние (Волновать меня)	26

Побывала старушка (Старушка и чертенята)	23
По вечерам над ресторанами (Незнакомка)	162
Повесть (В окнах, занавешенных)	145
Поднимались из тьмы погребов	138
Под ветром холодные плечи (Осенняя любовь)	231
Поединок (Дни и ночи)	131
Поет, краснея, медь	50
Пожар (Понеслись, блеснули в очи)	175
Поздним вечером (Не пришел на свиданье)	181
Пойми же, я спутал (Заклятие)	241
Полюби эту вечность болот	20
Помнишь думы (Моей матери)	64
Понеслись, блеснули в очи (Пожар)	175
Последний день (Ранним утром)	129
Потеха! Рокочет труба	71
По улицам метель (Заклятие)	243
Поэт (Сидят у окошка)	74
Придут незаметные белые ночи	119
Прискакала дикой степью	87
Привыший мир (Заклятие)	239
Проклятый колокол (Весны и зимы)	111
Прошли года, но ты все та же	97
Работай, работай (Заклятие)	248
Ранним утром (Последний день)	129
Русь (Ты и во сне необычайна)	101
Своими горькими слезами	257
Сидят у окошка (Поэт)	74
Сказка о петухе (Петуха упустила)	89
Снежная Дева (Она пришла из дикой)	233
Снежная Маска (тридцать стих.)	185
Сольвейг! (Сольвейг! Ты прибежала)	95

Сольвейг! Ты прибежала (Сольвейг)	95
Сольвейг! О, Сольвейг!	117
Сонный вздох (Взморье)	48
Старость мертвая бродит	77
Старушка и чертенята (Побывала старушка)	23
Стоит полукруг зари (У моря)	75
С каждый весною пути мои круче	121
Сын и мать (Сын осеняется)	103
Сын осеняется (Сын и мать)	103
Сытые (Они давно меня томили)	158
Так. Неизменно все, как было	86
Так окрыленно, так напевно	108
Там дамы щеголяют модами	164
Там, в ночной завывающей стуже	82
Твари весенние (Золотисты лица купальниц).	16
Твое лицо бледней, чем было	161
Твое лицо мне так знакомо	125
Твоя гроза меня умчала	116
Тихо. И будет все тише (Моей матери)	76
Тишина цветет (Здесь тишина)	107
Тяжко нам было под вьюгами	54
Ты был осыпан (Г. Гюнтеру)	96
Ты в поля отошла (Вступление)	11
Ты и во сне необычайна (Русь)	101
Ты можешь по траве зеленой	109
Ты оденешь меня в серебро	46
Ты перед ним (Девушке)	122
Ты придешь и обнимешь	92
Ты проходишь без улыбки	156
Ты смотришь в очи ясным зорям	177
Угар (Заплетаем, расплетаем)	106

Улица, улица	144
У моря (Стоит полукруг зари)	75
Усталость (Кому назначен)	118
Утихает светлый ветер	83
Ушла. Но гиацинты ждали	226
Фиолетовый запад	47
Хожу, брожу, понурый	173
Холодный день (Мы встретились)	167
Что на свете выше (На чердаке)	178
Шел я по улице (Перстень-Страданье)	157
Шлейф, забрызганный звездами	101
Шли на приступ	66
Я был смущенный и веселый	224
Я вам поведал неземное	150
Я восходил на все вершины	46
Я в дольний мир вошла	225
Я в четырех стенах, убитый	171
Я жалобной рукой сжимаю	136
Я живу в глубоком покое	48
Я живу в отдаленном скиту	15
Я знаю, ты близкая мне (Бред)	87
Я миновал закат багряный	125
Я насадил мой светлый рай	228
Я неверную встретил (Заклятие)	239
Я помню длительные муки	256
Я прогнал тебя (Болотные чертенятки)	14
Эхо (К зеленому лугу)	25